

Ольга Фикс

Темное дитя

Роман

МОСКВА 2019

УДК 82-93
ББК 84(2=411.2)6-44
Ф50

Художник
Валерий Калныньш

Фикс, О. В.

Ф50 Темное дитя : роман / Ольга Владимировна Фикс. — М. :
Время, 2019. — 320 с. — (Время — юность!).

ISBN 978-5-9691-1814-0

Когда Соня, современная московская девушка, открыла дверь завещанной ей квартиры в Иерусалиме, она и не подозревала о том, что ее ждет. Странные птичьи следы на полу, внезапно гаснущий свет и звучащий в темноте смех. Маленькая девочка, два года прожившая здесь одна без воды и еды, утверждающая, что она Сониная сестра. К счастью, у Сони достаточно здравого смысла, чтобы принять все как есть. Ей некогда задаваться лишними вопросами. У нее есть дела поважнее: искать работу, учить язык, приспосабливаться к новым условиям. К тому же у нее никогда не было сестры!

Роман о сводных сестрах, одна из которых наполовину человек, а наполовину бесенок. Об эмиграции и постепенном привыкании к чужой стране, климату, языку, культуре. Об Иерусалиме, городе, не похожем ни на какой другой. О взрослении, которое у одних людей наступает поздно, а у других слишком рано.

ISBN: 978-5-9691-1814-0

ББК 84(2=411.2)6-44

9

7 8 5 9 6 9 1 1 8 1 4 0

© Фикс О. В., 2019

© «Время», 2019

— Ты никуда не поедешь.

— Придется, — вздохнула я, доставая из кладовки чемодан на колесиках. — Билеты куплены, так что поздняк метаться. Не могу ж я подводить человека.

Удушливая волна жара пыхнула на меня оттуда, как из печки. Я быстро захлопнула дверь кладовки и отступила назад, поближе к неистово рычащему вентилятору.

У отца в квартире отродясь не было кондиционера, не знаю уж, как он без него выживал. Сама я здесь пока что еле сводила концы с концами. Какой уж тут кондиционер! Хотя он и стоял у меня в списке первым среди отложенных до непонятно когда покупок.

Она вырвала чемодан у меня из рук и шарахнула им об стенку с такою силой, что одно колесико погнулось, другое вовсе отломилось и закатилось куда-то за угол коридора.

— Тём, что ты творишь!

— Ты! Не! Поедешь! Никуда! — Она вцепилась в чемодан зубами и стала рыча, с остервенением драть его зубами на части. Куски кожи полетели во все стороны, пластмассовая ручка больно ударила меня по щеке.

— Тём, ну что ты как маленькая? Ну поеду с рюкзаком, делов-то.

Она выгнулась и зашипела на меня, как кошка. Из глаз полетели искры, полыхнули, упали на ковер и погасли. Я тревожно проследила за ними взглядом. Черт, с нее ведь станется и пожар устроить.

— Тём, ну давай по-человечески поговорим. Мне самой не очень-то хочется ехать... Но, понимаешь, бывают всякие обстоятельства...

— Не хочется — и не едь!

— Тёма, я тебе сто раз уже объясняла!

— Я тебя не пущу!

— Как? Малыш, как ты можешь меня не пустить?

Она стояла у окна, я — перед входом в комнату. Внезапно, одним прыжком преодолев разделявшее нас расстояние, Тёма повисла у меня на шее, обхватив талию ногами, и заревела — громко, по-детски, шмыгая носом, пачкая мне майку слезами и соплями.

Слезы у нее были обычные. Соленые, как у всех людей. Я погладила ее по остро выпирающим лопаткам. Какая же она худенькая, в чем душа...

— Тёмушка, перестань! Тём, ну ты чего?! Тём, ну я же вернусь! Вернусь скоро-скоро! Солнышко, ты даже соскучиться не успеешь! Ну хватит уже, ты меня задушишь.

— Не вернешься! Не вернешься, потому что никуда не уедешь! Нельзя! И-эфшар!

Спрыгнула с меня и заметалась по комнате, брызгая слюной и отчаянно жестикулируя. На миг мне показалось, что она сошла с ума. Из рта ее потек поток слов, в котором ничего нельзя было разобрать, поскольку как всегда, волнуясь, Тёма мешала русские слова с еврейскими, арабскими, арамейскими, других каких-то древних, давно исчезнувших с лица земли языков, на которых говорила с ней мать.

Внезапно в комнате сделалось темно, несмотря на пылающее за окном солнце, и прохладно, несмотря на удушливую жару, который месяц не выпускавшую Иерусалим из своих цепких объятий. Ох уж эта израильская жара! Как я ее ненавижу!

Лопасты вентилятора замерли, беспомощно дернувшись в последний раз. Поток незнакомых слов неожиданно прекратился. В комнате воцарилась гнетущая тишина, изредка нарушаемая треском электрических разрядов. Тёмка, не мигая, смотрела куда-то вверх.

Под потолком сконденсировалось лиловое облако. Внутри него вспыхивали маленькие багровые молнии. В воздухе запахло свежестью и озо-

ном. Громыхнул гром, и с потолка на ковер хлынул дождь.

Дождь! Дождь! Моя главная мечта в этой изнывающей от жары стране! Как часто он в последнее время снился мне по ночам.

Наверное, она тайком заглядывала в мои сны.

Господи! Как же мне не хватало дождя!

Забыв на мгновение обо всем на свете, запрокинув голову, я подставила лицо под струи воды и, зажмурившись, замерла, обхватив плечи руками, постанывая, не в силах сдержать охватившего меня блаженства.

Мы стояли посреди комнаты, и ливень хлестал нас по волосам, по плечам, стекал по спине, по лицам, обожженным солнцем, затекал сладковатыми каплями в полуоткрытые рты.

В дверь квартиры забарабанили:

— Эй, соседи, есть здесь кто-нибудь?! У нас течет с потолка! Трубу у вас, что ли, прорвало?!

— Сейчас-сейчас! — откликнулась я, не сразу очнувшись, откидывая мокрые волосы со лба.

Дождь перестал. Вокруг все было залито водой. От ковра и от постели шел пар, в трещинах плиток пола стояла вода, большая лужа растекалась на полу в коридоре — коридор у нас на пару миллиметров ниже комнаты.

— Что ты натворила! — шикнула я на Тёмку. — Немедленно убери!

Тёмка щелкнула пальцами, и вода в мгновение ока испарилась.

— Теперь ты не уедешь? Нет? — шепнула она, явно довольная, скрываясь в ванной, пока я шла объясняться с соседями.

Глупая! Можно подумать, дело в дожде!

Если б только я могла ее взять с собой...

— Ну, за тебя! Не могу поверить, что ты это все-рез. — Светка отпила из стоящего перед ней бокала и тут же снова долила его из спрятанной под столом бутылки. Бутылку мы прятали под столом от моей мамы, которая не одобряла бытового пьянства, то есть пьянства без повода.

Хотя, по правде говоря, повод у нас был. Проводы меня.

— А что тебе здесь видится такого уж странного?

— Ну... вообще. Сама как думаешь — нормально? Живешь ты себе живешь, ходишь в детсад во дворе, в школу через дорогу, в институт поступаешь в трех остановках, замуж по той же ветке метро выходишь и вдруг — фьють! Все к чертям!

— Вот-вот. Вся моя жизнь прошла вдоль одной и той же ветки метро. И была такая же серая. Убить-ся можно! Когда-нибудь надо менять цвет.

— Но не столь же радикально... — Бутылка звякнула, вновь осторожно возвращаясь под стол.

— А по-моему, Свет, только так и можно! А не то что некоторые — хвост по частям. Каждый день еще кусочек, еще кусманчик, еще лоскутик — и каждый раз заново болит. Я б не выдержала. А так раз — и на другой край земли. И все по новой!

— Не пугай меня! Не в Америку едешь. С Израилем у нас хоть безвиз.

— Во-о-от! Совсем другой разговор! Приедешь ко мне в отпуск. Буду пичкать тебя фалафелем с хумусом, пока не растолстеешь. Будем вместе валяться на морском берегу и смотреть на заходящее солнце.

— В Иерусалиме ж нет моря!

— Подумаешь! Зато в Тель-Авиве есть. Сорок минут на автобусе. Меньше, чем от нас до центра.

— Счастливая ты! Все у тебя просто...

— Светусь! — Я бросаю паковать книги и сажусь на диван рядом с ней. — Да ведь все просто и есть! Берешь билет, садишься и едешь. Главное, ничего не усложнять.

— Чего тебе здесь-то не живется?

— Свет, ну ты ж сама все знаешь. Во-первых, негде.

Она молча обводит руками пространство вокруг.

— Что, с мамой?! Да что я, маленькая? После стольких лет замужа опять с мамой?! Особенно этот ее будет в восторге.

Мы с новым маминым мужем никогда не ладили. Из-за него я и замуж так рано вышла. Другое дело пап Саша. Он и вправду мне как отец был. А этот...

— А Серезжка? Ты уверена, что у вас с ним все? Все-тки десять лет, и дружили до этого еще столько.

— Дружили. Десять лет. А теперь все.

Светка закатила глаза:

— Господи, с пятого класса! Умереть не встать! Вот как после этого жить? Всю жизнь вы у меня перед глазами как эталон простого человеческого счастья. И все испортили!

— Ну извини. Мы, чес-слово, не нарочно.

— Да знаю.

Отхлебнула еще и цапнула у меня из пачки сигарету.

— Вот как ты себе это представляешь? Там же одни евреи. В шляпах, с пейсами. По телику посмотришь — ужас!

— Во-первых, неправда. В Израиле много наций живет. Там даже цыгане есть, я в сети читала. И русских полно, особенно в Иерусалиме и Назарете. Во-вторых, что тебе евреи — не люди? Пап Саша, между прочим, тоже в последние годы пейсы отрастил. И бабушка у меня еврейкой была.

— Подумаешь, бабушка! Много ты от нее добра видела! Дядь Саша — другое дело! Тут тебе свезло. И любил как родную, и квартиру свою оставил. Хотя кому ему еще оставлять? Кто у него, кроме тебя, еще в жизни был?

— Ну он мог... родственникам каким-то дальним. Он ведь писал, что нашел в Израиле кого-то. Со стороны отца или матери. Не помню.

— Тю! Где дальние родственники, а где ты. Тебя-то он с пеленок знал, а там... Надо еще посмотреть, что за родственники.

— А скажи, странно, что он так больше и не женился! Такой был красавец и в молодости, и потом, когда я к нему приезжала. Волосы черные, густые, глаза голубые, высокий. И в форме себя держал, до последних лет ни брюха никакого, ничего.

— Понятно, готовить-то некому. Ох, Сонька! Помню, они с матерью твоей как куда идут... Красивы-ые! Глаз не отвести. Все бабье во дворе к окнам липло. Мамка моя аж зубами скрипела: «И за что этой проститутке такое счастье?! За то, что по подъездам шлялась, пока другие честно в школе учились?»

— Твоя мама? — недоверчиво щурюсь я. — Они ж вроде такие подруги!

— Ну так что — подруги? Что ж она, не человек, что ли, мамка? Что ж ей, счастья не хочется? А когда одним красавцы под метр восемьдесят и с образованием, несмотря что с ребенком. А другим козлы вроде моего папани. Метр с кепкой, всю жизнь слесарем на заводе, а гонору! Неделями не просыхает, хоть бы он ушел от нас, наконец, к чертовой матери! Вот бы вздохнули спокойно!

— Ага. От некоторых еще и уходят. Убиться можно, какое счастье.

— Не передергивай. Он же не от вас, он из Рашки свалить хотел. И я его понимаю! Отсюда кто хошь свалит, было бы куда, пусть даже в Жидовию.

И я же помню, он мать твою с собой звал. Она сама отказалась.

— Ну куда она поедет?! У нее ж работа. Всем се-
страм по серьгам, по всем точкам все схвачено.
И с этим своим она уже всюду встречалась. Просто
папа Саша не знал.

— А может, и знал. Просто любил и виду не пода-
вал. Потому и не женился больше ни разу!

— Ох, Светка! Любишь ты красивые сказки! Пото-
му и замуж не выходишь. Вон седина уже в волосах,
а все алых парусов откуда-то ждешь.

— Чего?! Это у кого седина?! Это у меня, зна-
чит, седина?! Ах ты... Да знаешь, что я с тобой сей-
час сотворю?! Убью! Вот этим самым ножом, для
хлеба! Знаешь, где сейчас Славка мой? А за что,
тоже знаешь? Так вот он меня всему научил! Ах
ты, выдра крашенная! Сама небось вся седая! Сни-
зу, где не видно!

— Светка, положи нож! Нож, говорю, положи,
идиотка!

Господи, когда же она успела так набраться!
Наверное, пока я книжки складывала. Убиться
можно, как я проглядела?! Полбутылки втихаря
вылакала!

— Ну вот зачем ты пьешь? Знаешь ведь, что тебе
нельзя.

— Соня, Сонечка, прости меня, я дура, прости
меня, пожалуйста, только не уезжай! Одна ведь ты
у меня от всего моего детства осталась! Уедешь —
ничего вообще не останется, совсем ничего, как не

было! А ведь мы с тобой, помнишь, мы... Сонька, ведь ты же помнишь?!

— Помню я, все помню, успокойся. Не плачь, Светка, не дури. Ну чего ты вдруг? Прорвемся. Все, все, не плачем больше. Умоемся и больше не плачем. Давай с тобой лучше спать. Ты с краю только ложись, а то вдруг тебя опять рвать начнет. Увидишь, все у нас будет хорошо. Приедешь, пойдём на море, встретим там каких-нибудь принцев. А вообще, может, ты и права. Может, папа Саша и знал.

До дома в Рехавии я добралась лишь в сумерках. Маршрутное такси из аэропорта долго кружило по улицам Иерусалима, развозя туристов по отелям и местных по их домам.

Я чувствовала себя где-то между. Уже не туристка, но еще не до конца своя. Вроде и гражданство уже есть, и жилплощадь, и даже объясняться на иврите я, тода раба (*спасибо*) папе Саше, умею лучше многих, которые живут здесь годами.

Но что-то все равно мешало чувствовать себя здесь как дома. Точно невидимая пуповина, натянувшись, по-прежнему связывала меня с Москвой, заставляя вскрикивать ежеминутно, не вслух, конечно, а про себя: «Ну надо ж, как это оно у них здесь устроено!»

У них, не у нас.

Стайка юных девиц в зеленом прошла по улице, весело щебеча и небрежно помахивая перекинутыми через плечо автоматами. Бородатый старик в кафтане и с развевающимися пейсами обогнал нас, бодро крутя педали велосипеда. В корзинке на багажнике у него позвякивали бутылки с вином.

Маршрутка, резко свернув, встала у чугунных ворот дома, где я когда-то проводила каждые каникулы. За прошедшее с тех пор десятилетие дом ни капельки не изменился, не постарел и не обветшал. Выглядел точь-в-точь как в моих снах. Да и что делается иерусалимскому камню?

Золотой Иерусалим, золотой Иерусалим... Желтый он, вот и всё. Цвета известняка, которым все здешние дома облицованы. Вот вы знали, что Иерусалим весь состоит из желтых домов, а каждый третий житель его воображает себя мессией? Не знали? Ну теперь знаете. Вот как тут у них. Тьфу, у нас.

Я расплатилась с шофером, откопала в багажнике свой заваленный чужими вещами чемодан и поволокла его, чертыхаясь, на третий этаж. Придется привыкать, лифты в иерусалимских домах — редкость. Не то что... Я достала ключ, только сейчас осознав, что все десять лет так и таскала его с собой, тупо перекладывая из сумочки в сумочку. Убиться можно! И в голову не пришло, что замок за это время могли сменить.

Но ведь не сменили!

Я вошла в прихожую, закрывая за собой дверь и одновременно щелкая выключателем. Пора уже вам узнать мою главную тайну — я панически боюсь темноты.

Вспыхнувший свет выхватил небольшой квадрат у дверей, низкие потолки и убегающие во тьму стены. Вдохнув в себя знакомый запах старых книг и корицы, я храбро шагнула вперед, на ходу вспоминая, где спрятаны выключатели, с трудом шаривая их в полутьме. Квартира, как большинство здешних квартир, начиналась с пространства, в просторечии именуемого салоном, служившего одновременно прихожей, кухней, гостиной, а в папы-Сашином случае также и кабинетом. Когда все углы и закоулки этого сорокаметрового пространства оказались освещены, я смогла наконец осмотреться.

Ну чё, все по-прежнему. Стол, массивный раскладной диван из потертой кожи, стоящие в беспорядке стулья. Книжные шкафы всех размеров и конфигурации. За стеклами толстые тома с золотым тиснением на иврите, арамейском, английском, русском, от Талмуда до Шекли и Конан Дойля. Книги, книги, книги, как всегда всюду и везде. Словно хозяин их до сих пор здесь, словно и не умирал никогда.

Папа Саша не мог без книг, он вечно читал — в постели, за столом, в туалете, на балконе, куда высккивал покурить. Причем всегда по несколько книг зараз: эту для души, эту по работе, эту, чтоб думать,

эту, чтоб язык не забыть, эту, чтобы отвлечься. Куда бы он ни шел, путь его был вечно отмечен книгами, небрежно брошенными вверх обложкой, распахнутыми где-нибудь посередине.

Портреты раввинов, мрачно взирающие со стен. Стекланные раздвижные двери с пола до потолка, за которыми балкон, за которым, внизу, горящий и переливающийся огнями Иерусалим.

Белесые пятна на черном мраморе кухонного стола. Две раковины, по обеим сторонам от них в порядке расставленная посуда. «Запомни, Соня! Справа молоко, слева мясо! — прозвучал у меня в ушах голос папы Саши. — Не дай бог тебе перепутать!»

Я старалась не путать. Ничего бы он мне, конечно, не сделал, но ведь расстроился бы ужасно. Сам всегда после еды все мыл и аккуратно расставлял.

Кастрюли и тарелки покрывал густой слой жирной пыли. Два года уже тут никто ни к чему не прикасался, так что пыль лежала на всем прям-таки вековая — на мебели, на полу, на книгах... Всмотревшись, я заметила кое-где в пыли странные разводы, похожие на птичьи следы. Но откуда здесь взяться птицам? Окна-то ведь закрыты. Может, сквозняки? Или насекомые какие-нибудь? Муравьи, сверчки, тараканы. Здесь их куча видов. Надо будет пшикалку от них купить. Главное, чтоб клопы не завелись. На первых этажах случаются даже скорпионы, но здесь, слава богу, третий.

Я заглянула в спальни. В папы-Сашиной был не-большой беспорядок: часть ящиков из комода и сто-ла выдвинута, куча каких-то бумаг и ворох ском-канного белья на полу. Видно, документы искали или одежду для похорон. Покрывало на кровати не тронуто. На тумбочке у изголовья толстый том на иврите и Брэдбери в бумажной обложке, цвет кото-рой я помню еще с младенчества. Уезжая, отец поч-ти все книги увез с собой, только несколько детских оставил мне.

Зато в комнате, которую я привыкла считать сво-ей, творилось что-то невообразимое! Убиться можно! Не то там смерч пронесся, не то хулиганы малолет-ние порезвились. Одеяло, подушка, матрас — все валялось на полу. Из распоротого матраса торча-ли пружины и конский волос. Обнаженная кровать сверкала голыми досками.

С этажерки кто-то сбросил все мои безделушки и книжки. Все, что могло разбиться, разбилось, что могло сломаться, — сломалось. Некоторые вещи вообще выглядели так, словно их долго и яростно топтали ногами. Портрет моей мамы был не про-сто сорван — сам гвоздь, на котором он держал-ся, был выворочен из стены с дюбелем и куском штукатурки. Пол был усеян осколками стекла, ключьями, обрывками, черепками. Стенной шкаф распахнут, постельное белье с немногочисленной, забытой когда-то здесь детской одежкой изрезано или изодрано в клочья.

И опять повсюду следы лап, похожие на птичьи. Крысы, может быть? Этого еще только не хватало!

Выругавшись вполголоса и сама звуков голоса своего испугавшись, я захлопнула поскорее дверь.

И речи не могло быть, чтоб там ночевать. Да и необходимости не было. В папы-Сашиной комнате постельное белье по-прежнему лежало на своем месте в шкафу, защищенное от всех невзгод толстыми дубовыми дверцами и заботливо переложенное кусочками ароматного мыла. Сменив простыни и вытряхнув на балконе одеяло, я вынула чистое полотенце и отправилась в ванную. Шел март, но на улице было довольно тепло, и можно было надеяться, что солнечные батареи согрели за день достаточно воды.

В ванной меня поразило наличие в шкафчике хны. По меньшей мере годовой запас. Папа Саша волосы, что ль, начал красить на старости лет? Но почему тогда в рыжий цвет? И бритвенный станок с проржавевшим лезвием. Папа Саша, насколько мне помнится, брился только электробритвой. Как-то это у него было связано с религией.

Но я чересчур устала, чтоб ломать себе голову. Сполоснула ванну, заткнула пробкой. Набрала воды и медленно опустилась в нее, чувствуя, как по телу разливается блаженство. Я — дома! И не надо обманывать себя, здесь мой единственный настоящий дом. Дом, завещанный мне единственным на всей земле человеком, которому было на меня не

плевать. Пусть он там не волнуется! Я все его книжечки сберегу в целости, а некоторые, может быть, даже прочитаю.

Ванная незаметно стала заполняться клубами сладковатого, с неясной горчинкой пара. Мыло, что ли, местное со стенок не до конца смылось? Или из других квартир с вентиляцией принесло? В уши ввинтилась негромкая незнакомая мелодия. Что-то явно восточное, высокие капризные звуки, дрожащие, как комариный писк, повизгивающие на концах такта. На улице где-нибудь играют. Глаза сами собой начали слипаться...

Я решительно тряхнула головой. Так ведь и утунуть недолго! Мелодия сразу смолкла, сладковатый туман рассеялся. Я взяла с полки жидкое мыло, начала намыливаться. Мыло пахло резко и незнакомо. Тоненький перевернутый серпик луны подмигивал из окошка под потолком.

На полке рядом с мылом стояла игрушка — чугунный чертик с длинным хвостом. Точно не мой, у меня таких не было. Да и взрослая я уже была, чтоб игрушки в ванну таскать, когда сюда приезжала. Ишь какой! Расселся там по-хозяйски, прищурился и нос мне показывает.

Я привстала, протянула к чертенку руку и тут же брякнулась обратно на задницу, пребольно ударившись копчиком. Ощущение было, словно меня толкнули в грудь. Я попыталась снова встать. На сей раз меня дернули за ногу, с такой силой, что я опрокинулась и ушла под воду с головой.

Вынырнув, я услышала мерзкое хихиканье и шлепанье по полу босых ног.

— Кто здесь?! — заорала я, выскакивая из ванны, на ходу кутаясь в полотенце.

Мокрые птичьи следы на полу, и никакого ответа. Ну если не считать ответом хихиканье и ледяной сквозняк, от которого невысохшая кожа немедленно покрылась мурашками, портреты закачались на стенах, хрустальки в люстре задзынькали, а занавески на окнах заплясали, взметнув клубы пыли.

— Да что за хрень?! — заорала я, испытывая лишь здоровую злость. Копчик болел, и вообще, мне уже стало ясно, кто устроил балаган в моей комнате. Ох попадись мне этот полтергейст! Уж он у меня узнает!

Наверное, будь я в Москве, я бы испугалась. А здесь все происходящее вполне вписывалось в общую концепцию Иерусалима. Другой мир, другие реалии. Невозможное возможно и очевидно.

Но тут вырубился свет и меня окружила тьма, столь плотная, что на мгновение показалось — я оглохла, ослепла и вообще, наверное, меня больше нет. Это неизвестно что убило меня вот так, играючи, как кошка мышку. Попытка вдохнуть ни к чему не привела. Воздух не лез в горло, сделавшись вязким и густым, как смола. В ушах зашумела кровь, ноги подкосились. Я вцепилась во что-то рукой, наугад, только чтоб не упасть.

Что-то оказалось плечиком — узеньким, холодным и влажным.